

Наталья БАРАНЕЦ, Андрей ВЕРЕВКИН, Людмила САВИНОВА

О ПРИЧИНАХ НАУЧНЫХ КОНФЛИКТОВ

В статье анализируется феномен научного конфликта. Описаны концептуальные, статусные и личные конфликты. Проанализированы их последствия для научного сообщества.

The phenomenon of scientific conflict is analyzed in the article. The conceptual, status and personality conflicts are described. It's consequences for the scientific community are analyzed.

Ключевые слова:

научный конфликт, виды и мотивы научных конфликтов, нормы научной деятельности; scientific conflict, types and motives of scientific conflicts, standards of scientific activity.

Рассуждения о причинах научных конфликтов можно начать с рассмотрения исходных мотивов научной деятельности. Они условно разделяются на познавательные (любопытность и желание узнать принципиально новое); познавательно-психологические (удовлетворение чувства правоты, подтверждение догадки); этические (принесение пользы обществу); социальные (стремление приобрести социальный статус или материальное вознаграждение); социально-психологические (соперничество). В реальной деятельности эти мотивы зачастую сложно переплетены и замаскированы.

Р. Коллинз в статье «Пираты и политики в математике»¹ рассуждал на сходную тему, утверждая, что крупные скандалы вскрывают значительные исторические сдвиги в социальной организации науки. Он полагал, что неизменными компонентами деятельности ученых являются стяжание богатства и славы, приобретение контроля над потоком идей и навязывание собственных ценностей. При определенных условиях идеи становятся особенно ценными, если держать их в секрете: тогда они могут стать орудием в соревновании за авторитет. «Пираты» от науки присваивают или замалчивают идеи других ученых, чтобы создать новые или сохранить старые интеллектуальные системы.

Мы же предполагаем, что источниками конфликтов являются не только борьба за вознаграждение и обретение статуса, но также концептуальные и личные причины, — ведь в науку идут не только ради материальных благ, но и для удовлетворения познавательного интереса и творческой самореализации. Следовательно, целесообразно разделять концептуальные, статусные и личные конфликты. Наши примеры относятся к истории математического сообщества, где внеученные обстоятельства проявляются в меньшей степени.

Концептуальные конфликты могут быть теоретическими, догматическими и идеологическими. Теоретические конфликты возникают из-за концептуальных расхождений в рамках сложившихся дисциплинарных матриц. Они редко носят деструктивный характер, способствуя плодотворной конкуренции идей.

Доктринальные конфликты происходят из-за доктринальных противоречий внутри дисциплинарного сообщества. Доктринальные противостояния в истории математики случались нередко. Становление принципиально новой дисциплины или метода не обходится без такого конфликта. Классическим примером здесь служит спор о неевклидовой геометрии Н.И. Лобачевского. Академик

БАРАНЕЦ

Наталья
Григорьевна —
д.филос.н., доцент;
профессор кафедры
философии УлГУ
n_baranetz@mail.ru

ВЕРЕВКИН

Андрей
Борисович —
к.физ.-мат.н.,
доцент; доцент
кафедры алгебро-
геометрических
вычислений УлГУ
a_veryevkin@mail.ru

САВИНОВА

Людмила
Геннадьевна —
аспирант кафедры
философии УлГУ
milianto@mail.ru

¹ Коллинз Р. Пираты и политики в математике // Отечественные записки, 2002, № 7; <http://www.strana-oz.ru/?article=414&numid=8>

В.Я. Буняковский в 1872 г. исходил из убеждения о доказуемости постулата о параллельных, считая, что он вытекает из самого определения прямой линии. Он пытался «наглядно-графически» показать противоречие геометрии Лобачевского очевидным представлениям о пространстве. Пройгнорировав обобщенное определение параллелизма прямых Лобачевского, Буняковский подменил его существенно иным, не заметив, что между этими понятиями имеется качественное различие. Его определение параллельных было корректно для евклидова случая, но не подходило для геометрии более общей природы¹.

Идеологические конфликты происходят из-за идеологического противостояния в дисциплинарном сообществе. В математике, в силу ее высокой абстрактности и удаленности от актуальных проблем общественного развития, примеры подобных конфликтов нечасты. Подробно разберем один из них. В 1930 г. на первом Всесоюзном съезде математиков в Харькове, инициатором которого выступил Украинский институт математических наук, возглавляемый С.Н. Бернштейном, состоялась дискуссия о применении метода диалектического и исторического материализма к истории и обоснованию математики, а также «внедрении этого метода в собственно математическое исследование». Главными оппонентами были сторонник диалектического метода М.Х. Орлов и его противник С.Н. Бернштейн, полагавший, что между диалектикой и математикой нет ничего общего. После съезда Бернштейн потерял должность директора института, и его место занял Орлов. Будучи профессором Харьковского физико-химико-математического института, Бернштейн опубликовал в институтской многотиражке статью против распространения диалектического метода в математике. Аргументы С.Н. Бернштейна были следующие: метод материалистической диалектики можно было бы принять, если с его помощью не хуже, чем традиционными математическими методами, решаются конкретные математические задачи, но такого не наблюдается. Математика, в отличие от философии, имеет ясные результаты и работающие методы. А

постоянные философские дискуссии показывают, что у этой дисциплины нет единства и ясности, и поэтому внедрение диалектико-материалистического метода в математику не принесет пользы науке. Кроме того, математика стоит вне классов и вне политики, именно поэтому математики разных убеждений могут совместно работать над одними проблемами, дополняя друг друга.

Орлов в ответ раскритиковал Бернштейна в духе риторики своей эпохи: «...обосновывая аполитичность, непартийность и надклассовость математики, акад. Бернштейн становится в вполне определенные идеологические позиции, характеризуемые как реакционная философия воинствующего эклектицизма»². Орлов настаивал на партийности науки и общезначимости диалектики, которая именно поэтому может быть внедрена в математику. Последующие выступления против кибернетики и математической экономики также могут служить примерами идеологических конфликтов. Следует ожидать, что неизбежное распространение математики и ее методов в социально-гуманитарные области знания может привести к идеологическим и доктринальным противостояниям между учеными, использующими разные методологические подходы и стратегии исследования.

Статусные конфликты подразумевают борьбу за ресурсы, престиж и социальное положение. В научном сообществе они часто не являются явно выраженными, т.к. участвующие в таком конфликте ученые стремятся представить ситуацию как борьбу за истину и справедливость. Статусные конфликты особенно деструктивны в недемократических обществах, поскольку здесь ограничено действие саморегуляции, а доминирующая группа часто прибегает к административной поддержке. Примером служит «дело академика Н.Н. Лузина» 30-х гг. прошлого века. В нем идеологическая риторика использовалась для достижения личных целей. «Молодые математики» рвались к административным постам в математическом сообществе, используя идеологическую риторику для прикрытия истинных целей. Вполне идеологическую позицию занимал Сталин, желавший контролировать отече-

¹ Хилькевич Э.К. Из истории распространения и развития идей Н.И. Лобачевского в 60–70 годах XIX столетия // Историко-математические исследования, вып. II, 1949, с. 187.

² Орлов М. Борьба за марксо-ленинскую методологию в математике // Журнал математического цикла ВУАН, 1931, № 1, с. 22–24.

ственную науку и превратить Академию наук в «штаб советской науки». Поэтому он стал на сторону академиков, защищавших Лузина (П.Л. Капица, В.И. Вернадский, Н.С. Курнаков, Н.В. Насонов). Дело было прекращено из-за сложности доказательства «вредительства» Лузина на «столь малоидеологизированном материале»¹.

Личностные конфликты в науке, как результат несходства темпераментов, явление достаточно редкое. Но наличие в дисциплинарном сообществе «конфликтных» личностей может стимулировать возникновение концептуальных и доктринальных конфликтов. Показательна в этом отношении дискуссия между А.А. Марковым и П.А. Некрасовым по проблеме центральной предельной теоремы теории вероятностей. Помимо концептуального компонента, в этой дискуссии проявилось еще и личностное измерение. Академик Марков отличался исключительной резкостью и нетерпимостью в отношении того, что ему представлялось фальшью в математике, а также активной либеральной позицией², за которую получил прозвище «боевой академик» и «неистовый Андрей». Его оппонент Некрасов занимал высокие административные и государственные должности и отличался консервативными религиозно-мистическими убеждениями. Начавшийся спор длился более 10 лет, постепенно перестал соответствовать нормам научной этики, стороны возненавидели друг друга.

Негативные конфликты в научном сообществе не приводят к конструктивному продвижению в решении научных проблем, а наоборот, — тормозят их решение, ведут к разрушению нормальной научной атмосферы и организации в науке. Их источником является желание получить исключительный доступ к ресурсам, власти. Из недавней истории вспоминается конфликт, связанный с доказательством гипотезы Пуанкаре Г.Я. Перельманом, и информационный бум из-за «нестандартного» с обывательской точки зрения поведения ученого, отказавшегося от Филдсовской медали и премии Математического института

Клея за свою масштабную работу. Отказ от материального вознаграждения доказал научное бескорыстие Перельмана, что шокировало публику, воспитанную на иных примерах. В этой истории переплелись когнитивные и статусные интересы, приведшие Перельмана к разочарованию в современном математическом сообществе и конфликту с лидерами науки. В комментариях еженедельнику *New Yorker* от 21 августа 2006 г. Григорий Перельман объяснил причины разрыва с математическим сообществом так: «Чужаками считаются не те, кто нарушает этические стандарты в науке... Люди, подобные мне, — вот кто оказывается в изоляции... Разумеется, существует масса более или менее честных математиков. Но практически все они — конформисты. Сами они честны, но они терпят тех, кто таковыми не являются... Пока я оставался незаметным, у меня был выбор... Либо крепко всем насолить, либо промолчать и терпеть отношение к себе, как к домашней собачке. Теперь, когда я превратился в очень заметную персону, я не смогу и дальше молчать. Вот почему я был вынужден уйти»³. Атмосфера демонстративной научной активности в Санкт-Петербургском математическом институте вынудила Г.Я. Перельмана покинуть его, поскольку он не хотел встраиваться в систему, заимствованную из современных западных образцов.

В заключение хотим предположить, что основная причина любого научного конфликта, прежде всего, личностно-ценностная. Одна или обе из сторон преступают идеалы и нормы, регулирующие научную деятельность. Они пренебрегают тем, без чего невозможна наука, — ценностью свободного поиска истины, подменяя это своими субъективно понимаемыми исключительными правами и требованиями признания своего превосходства над другими членами научного сообщества. Возможно, Р. Коллинз отчасти прав, утверждая, что в науке жажда признания, статуса и наживы имеет большое значение.

Работа выполнена в рамках грантов РГНФ №11-13-73003а/В, №10-03-00540.

¹ Дело академика Н.Н. Лузина / под ред. С.С. Демидова, Б.В. Левшина. — СПб. : РГХИ, 1999.

² Автобиографические записки Д.А. Граве // Историко-математические исследования, вып. XXXIV, 1993, с. 227.

³ Груббер Д., Назар С. Многообразная судьба. Легендарная задача и битва за приоритет // *New Yorker*, 21.08.2006 // <http://vadda.livejournal.com/43157.html>